

Все совпадения с реальными людьми и событиями являются случайными. Роман от начала и до конца является авторским вымыслом.

За идею цивилизации народа Дархона, разумного искина, автор приносит свою благодарность Алексею Морозову.

Кому земля — священный край изгнания,
Того простор полей не веселит,
Но каждый шаг, но каждый миг таит
Иных миров в себе напоминая.

В душе встают неясные мерцанья,
Как будто он на камнях древних плит
Хотел прочесть священный алфавит
И позабыл понятий начертанья.

И бродит он в пыли земных дорог —
Отступник-жрец, себя забывший бог,
Следя в вещах знакомые узоры.

Он тот, кому погибель не дана,
Кто, встретив смерть, в смущеньи клонит взоры,
Кто видит сны и помнит имена.

Максимилиан Волошин

ПРОЛОГ

Висящий прямо в открытом пространстве человек с интересом смотрел на челноки, снующие от зависшего на орбите корабля к планете и обратно. Странник пытался понять, для чего это понадобилось мальчишке, почему он задержался возле этого почти мертвого мирка. Это ведь даже не его родная Земля, а всего лишь одно из ее бесчисленных отражений, причем не слишком удачное. Точнее, совсем неудачное. Что здесь может быть интересного? Ну погубили себя земляне в очередной раз, так ведь далеко не в первый и не в последний. Дуракам закон не писан. Но что-то мальчишке в этом гиблом месте понадобилось. Неужто он уже начал собирать Клан? Рановато...

Отпускать неопытного юнца, обладающего силой Мастера Дорог линии Авари, свободно гулять по мирозданию про-

живший много тысяч лет Странник не собирался, это чревато катаклизмами такого масштаба, что потом вовек не расхлебашь. Малолетний дурачок из-за своего невежества вполне способен несколько вселенных схлопнуть и даже не заметить этого. Но и самому обучать мальчишку пока смысла не имеет, сначала будущему ученику следует кое-что важное понять. Да что там кое-что, очень многое ему понять и изучить надо, и только потом его можно будет допускать к знаниям, неправильное применение которых способно уничтожить триллионы разумных. Но как заставить мальчишку учиться? Странник помнил себя сразу после того, как осознал, что он не просто человек, а нечто большее. Сколько было гордыни и самомнения! У этого, скорее всего, тоже так будет. Поэтому за него надо браться прямо сейчас, хоть и, как уже упоминалось, не самому.

Пожалуй, стоит аккуратно направить мальчишку в кое-какие интересные места, пусть его там жизнь хорошенько уму-разуму поучит. Она учительница суровая, жалости не ведет. К тому же там имеются вполне толковые маги пространства, да и вероятностные ментаты встречаются, хоть и реже. Сумеет уговорить кого-то взять в ученики, кое-чему научится. Или не научится, тогда придется ограничить дурачку возможности, чтобы дел не наворотил. Пусть лепит куличики в песочнице, ежели больше ни на что не годен. Жаль, конечно, появления Восьмого ждали больше тридцати пяти тысяч лет. Но рисковать в таких вещах он не имеет права, слишком страшными будут последствия в случае ошибки.

Отследив путь мальчишки с момента его первичной инициации, Странник от души посмеялся. Отправить двух биоников прямо в ад было чем-то невероятным, никому из сородичей такого в голову еще не приходило. Золотая ведь идея. Демоны и иже с ними очень удивились, когда им на головы такой подарок свалился. А потом взялись за незваных гостей со всей широтой демонских душ и вскоре выяснили, откуда к ним заявились столь невежливые граждане, кто они вообще такие, и были намерены отомстить, используя извращенную фантазию обитателей нижних миров на полную катушку. И правильно, он и сам этих тварей бионических давил везде, где встречал, пусть теперь попробуют с высшими демонами

потягаться, то-то те повеселятся. На мальчишку полезть оные демоны, скорее всего, не решатся, слишком хорошо знают, чем чревата конфронтация со Странником любого уровня, ну а коли решатся, тоже неплохо — дополнительная тренировка ему уж точно не помешает.

Но все-таки что делать с этим сверхактивным дурачком? Оставлять его необученным нельзя, самому учить рано, причем по очень простой причине — слишком опасно давать в руки неопытного, наивного ребенка такую силу, обязательно использует не там, где нужно, и не так, как нужно. А кому потом эту кашу расхлебывать? Ему, кому же еще. А остальные еще и на вид поставят, вместо того чтобы помочь, чего еще от этих снобов ждать. Так что идея прогнать мальчишку по цепочке необычных миров, в каждом из которых его обучат чему-то полезному, довольно неплоха. Ее и стоит принять за основу плана, не закливаясь на ней одной, конечно. Мальчишка ведь тоже Странник, пусть и неопытный, вполне может взбрыкнуть и переместиться совсем не туда, куда его направляют. Но это не страшно, вариантов хватает, миров, причем самых разных, вокруг столько, что, как говорят на той же Земле, хоть местом, на котором сидишь, жуй.

Странник усмехнулся и принялся тщательно выплетать цепочку вероятностей, которая должна будет направить дредноут, который зачем-то таскал на своем горбу глупый мальчишка, в одно очень интересное и одновременно очень паршивое место, после чего перекрыть выход. Там хватает необычных личностей, у которых можно, при определенном старании, немало полезного почерпнуть. Надо посмотреть, сможет ли мальчишка выпутаться и научиться хоть чему-то. Если сможет, то можно будет подумать и о дальнейшем обучении. Не справится? Значит, сам виноват. Будет сидеть в песочнице, пока не поумнеет.

ГЛАВА I

Голограмма Земли медленно вращалась перед Артемом, задумчиво покусывающим собственный кулак. Как он обрадовался, когда после очередного перехода «Петроград» вышел из гиперпространства недалеко от голубой планеты, очертания материков которой были знакомы с раннего детства. Вот только, как выяснилось, радовался молодой капитан зря. Первое же сканирование дало понять, что они где угодно, но только не дома — с планеты не исходило никаких радиосигналов, а на ночной стороне не было видно ни единого огонька. Мало того, поверхность так и фонила радиацией, из-за чего сразу стало ясно, что здесь не так давно произошло.

Еще несколько часов исследований позволили четко утверждать — на планете не более двадцати лет назад отгремела ядерная война. Сканирование обнаружило следы нескольких сотен термоядерных взрывов, большинство крупных городов мира было уничтожено именно ими. В том числе и родной для Артема Санкт-Петербург, не говоря уже о Москве — ее буквально стерли с лица земли. Это, впрочем, проделали практически со всеми столицами мира. На месте Вашингтона, Берлина, Парижа, Пекина и Лондона была стекловидная неровная поверхность, светящаяся по ночам. От Японии вообще осталась цепочка небольших островов.

Однако некоторые довольно крупные города частично уцелели, а значит, исследовав их, можно было понять, что здесь произошло и в каком году. Артем хотел было отправиться вниз с первой экспедицией, но ему не позволили, сказав, что никто, кроме него, не сможет вытащить корабль отсюда. Если кто-то другой погибнет, то это не так страшно,

как если погибнет капитан. Его гибель будет означать неизбежную смерть для всех остальных.

— Да пойми ты, дурья голова, что без тебя мы все — трупы! — Леонид Петрович укоризненно смотрел на возмущенного юношу. — Ну нельзя тебе рисковать!

— Вот же блин... — едва сдержался от мата Артем. — Я же тут от нетерпения изведусь...

Пришлось смириться, и теперь молодой капитан места себе не находил, как неприкаянный бродя по рубке «Петрограда» и натываясь на кресла экипажа. На корабле остались только врач, инженер, канонир и навигатор — Бора тоже не пустили вниз. И стажеры, конечно, их никто брать с собой не собирался, пусть опыта сначала наберутся.

На большом голографическом экране отображалось происходящее с тремя экспедициями, которые возглавили Карл фон Бревен, Леонид Мохов и Моисей Шапиро, пилотировать малые летательные аппараты, за исключением истребителей и штурмовиков, умели все члены экипажа. Каждого офицера сопровождало по пять десантников. К сожалению, погонщиками являлись только двое из них, поэтому отделения боевых дроидов имелись всего на двух челноках. Первый отправился в почти уничтоженный Санкт-Петербург, второй в мало поврежденный Томск, а третий в окрестности Лондона, где тоже нашлось несколько относительно уцелевших городков. Моисею Соломоновичу, командовавшему последним, строго-настрого приказали не рисковать ввиду отсутствия дроидов. Терять людей небольшому экипажу было никак нельзя, новых поди еще найди.

Артема прежде всего интересовал родной город, поэтому он переключил экран на челнок, который вел Карл Генрихович. Под днищем космолета проносилась поверхность Земли, леса, поля, озера и реки, вот только людей нигде не было видно, словно и не усеяно все вокруг следами их деятельности. Иногда попадались дороги, обочины которых были забиты проржавевшими машинами разных марок. Возле самого большого автомобильного кладбища фон Бревен приказал задержаться и просканировать местность. Как ни удивительно, не удалось обнаружить ни одного трупа или хотя бы скелета, что выглядело довольно странно, возникало ощущение,

что кто-то намеренно убрал тела, которых после ядерной войны должно было остаться немало. Никто не понимал, что это может значить.

— Слышь, Француз, я ни хрена не врубаюсь... — пробурчал Бор, лохматя себе ежик светлых волос. — Люди-то где?..

— А я знаю? — пожал плечами Артем. — Сам в полной растерянности. Гляди, машины все пустые, радиацией шмонит только так, и... никого. Если и в городе так будет, то я не знаю, что и думать...

— Это действительно очень странно, — вмешался в разговор Кирилл Владимирович, краем глаза отслеживая какие-то столбики цифр на экране. — Похоже, кто-то после уничтожения населения позаботился убрать трупы. А это может значить только одно, по моему мнению.

— Что? — подались вперед ребята.

— Подготовку местности к колонизации. То есть войну развязал кто-то извне, и этого кого-то совершенно не интересовали люди, но при этом очень интересовало жизненное пространство. Соседи Таоры несколько раз устраивали такую аннексию, два раза даже уничтожили имперские колонии, но рейд имперского флота, после которого заинтересованных в жизненном пространстве лиц в живых не осталось, заставил остальных отказаться от таких способов. Здесь вполне могло произойти что-то в этом духе.

— Могло, — вынужден был признать Артем, хотя делать это ему очень не хотелось. — Но могло и что-то другое.

— Пока не стоит делать выводов, мы слишком мало знаем, — не стал спорить Кирилл Владимирович, прекрасно понимая состояние молодого капитана, все еще надеющегося на что-то.

На экране тем временем показались развалины предместий Санкт-Петербурга. Челнок приближался к городу с юго-востока, и вскоре Артем узнал проспект Большевиков, точнее, то, что от него осталось. Некоторые здания частично уцелели, но большей частью вместо них были груды битого кирпича и бетона. Сам юноша вместе с матерью жил на севере, в нескольких сотнях метров от метро «Академическая».

— Ну что, Карл Генрихович, есть хоть какие-то следы людей? — поинтересовался он.

— Нет, — хмуро ответил полковник. — Никаких. Сканеры вообще не улавливают наличие биоматерии с человеческим ДНК в городе, даже на кладбищах, возникает ощущение, что кто-то вырыл трупы и увез. Глупость какая-то. Ладно, я понимаю, что можно вывезти тела недавно погибших, но старые-то захоронения тревожить зачем?! И как? Сами смотрите! Могилы не разрыты! Но при этом пусты.

Челнок как раз пролетал над кладбищем. Фон Бревен оказался полностью прав — могилы выглядели не потревоженными, однако в них ничего не было, никаких останков, даже следов органики не нашлось. Артем ошалело помотал головой, пытаясь понять, как это возможно. Кто мог такое устроить? Зачем? И каким образом? Ответов на эти вопросы не было.

— Карл Генрихович, я хотел бы посмотреть, не уцелел ли дом, в котором я жил, — попросил Артем, ему почему-то мысль о своей квартире не давала покоя.

— Я бы тоже посмотрела... — произнесла до сих пор молчавшая Алевтина Сергеевна, появления которой в рубке никто не заметил, она пришла в момент, когда общее внимание было приковано к экрану. — Может, дома что-то сохранилось...

— Неизвестно, какой вариант истории здесь реализовался, — покачал головой Странник, покосившись на свою мать не мать. — Скорее всего, не мой, но и не ваш. Надо сначала проверить. Поэтому простите, но вас, как и остальных женщин из экипажа, никто вниз не пустит, пока местность не разведана как следует.

— Ясно, — помрачнела она.

Артем снова повернулся к экрану. Челнок, куда он говорил с Алевтиной Сергеевной, добрался до центра города, от которого практически ничего не осталось. Груды обломков.

— Не могу понять, какое оружие здесь применили... — задумчиво потер подбородок Михаил Иванович, прищурил свои и без того узкие глаза. — Для ядерного разрушения слишком велики, разве что взорвать сразу десяток бомб. Такое, — он кивнул на экран, — свойственно скорее кварковым зарядам, но откуда они на Земле? Насколько мне известно,

земные физики даже не приступали к разработке кварковой теории...

— А что сканеры говорят? — хмуро спросил Бор, которому больно было видеть останки родного города. — От кварковых же тоже какие-то следы остаются...

— Остаются, — подтвердил канонир. — Но очень быстро развеиваются. Уже через год-другой понять, что было применено именно кварковое оружие, невозможно. Да и радиация тут велика. Но вот разрушения? Нет, не пойму. Очень может быть, что уже после ядерных взрывов местность хорошо потряхнуло землетрясением, причем как бы не двенадцатибалльным. Надо уточнить у остальных челноков, что там в Томске и Лондоне. Если то же самое, то стоит осмотреть океанское побережье на предмет разрушений от цунами. Если всю планету с такой силой встряхнуло, то они обязательно должны быть.

Как ни удивительно, предположение Михаила Ивановича не подтвердилось. Томск почти весь уцелел, только стекла в домах повывлетали, ему, похоже, досталось не более двух ядерных зарядов, да и те ударили не по центру, а по окраинам, где располагались военные заводы и ракетные шахты. От Лондона, как уже говорилось, ничего не осталось — неровная стекловидная поверхность, от которой так и шибало радиацией. Зато небольших городков в его окрестностях уцелело немало — их, судя по внешнему виду, вообще не бомбили. Вот только и в Сибири, и в Англии не нашлось ни единого человека, ни трупа, ни скелета. По просьбе Артема были просканированы ближайшие кладбища, могилы в которых тоже оказались пусты.

— Обалдеть... — помотал головой Бор, когда данные с обоих челноков поступили на «Петроград». — Это же шиза какая-то!

— Вы правы, что-то очень странное происходит, — покопился на навигатора не слишком понявший его сленг Кирилл Владимирович.

Некоторое время царило молчание, а затем Артем поднял голову к потолку и мысленно спросил по закрытому каналу:

— Дархон, а ты что думаешь по этому поводу?

— Пока ничего, — отозвался искин. — Есть одно подозрение, но озвучивать его рано. Однако предупреди народ, что нам, возможно, придется уносить ноги с этой планеты и из этой системы в ритме вальса. Но точно сказать ничего не могу. Подожди немного, мне не хватает информации для анализа. Как только получу нужные данные, проведу анализ и сообщу тебе выводы. Сейчас идет полное сканирование планеты на недоступном таорцам уровне, наш корабль оборудован, если помнишь, многим необычным для них.

Экран снова переключился на челнок фон Бревена. И вот тут Артем чуть не подпрыгнул от нетерпения. Его дом оказался полностью цел! Да не только он, весь квартал уцелел! Вон разбитая витрина небольшой кондитерской, где такие вкусные пышки и пирожные продавались. Вон «Пятерочка», где они с мамой обычно продукты покупали, если лень было идти три квартала до «Перекрестка». Вон бассейн, в который у Артема был годовой абонемент.

Челнок тем временем приземлился прямо на проезжую часть улицы, едва поместившись между домами и раздавив попутно своими массивными опорами две ржавые машины. Полковник в сопровождении десантников вышел наружу, все они были в легких скафандрах, защищающих от радиации. Он хотел было отдать приказ начать осматривать местность вокруг, но просто не успел — Артем вскочил с капитанского кресла, на которое недавно сел, и переместился к челноку. Дар снова сработал, уловив его желание оказаться внизу.

— Опять?! — выверился на Артема полковник, увидев его рядом. — Мы же обсудили уже, что тебе не надо появляться тут, пока мы все не разведали!

— Дар... — скривился юноша, разведя руками. — Я захотел внизу оказаться, он и сработал. Но раз уж я тут, то хочу осмотреть свою квартиру. Мне не дают покоя подозрения, что это, — он повел рукой вокруг себя, — все же мой мир. Очень все похоже... И магазинчики знакомые, и детская площадка один в один, и дома, и вон та машина соседу дяде Косе принадлежит — на ней пятно однозначно узнаваемое.

— Почему тогда без скафандра?

— Вы забыли, в каком я комбезе?

— Ах да, подарок императора, — кивнул полковник. — Только активируй защиту от радиации и воздушный фильтр.

Артем не стал спорить, хотя ему почему-то казалось, что после инициации как Странника мало что способно причинить ему вред. Он отдал нужные команды комбезу через имплант, дождался появления легкого свечения защитного поля вокруг тела и двинулся к своему подъезду. Интересно, дверь оказалась другой, незнакомой. А вот почтовые ящики внутри были абсолютно привычными, как и выщербленная, старая лестница. Зато надписи «Витька — дурак!» под ящиками, сделанной им в «зрелом» возрасте восьми лет после ссоры с приятелем, не было и в помине.

Юноша буквально взлетел на третий этаж и остановился перед знакомой до боли, обитой потертым дерматином входной двери квартиры, в которой вырос — мать все-таки большей частью воспитывала сына в России, а не во Франции, не доверяя западному образованию. Артем улыбнулся воспоминаниям, поднял руку, провел пальцами по щели за щитком счетчика и нашел запасной ключ там, где и ожидал его найти. Открыл дверь и вошел.

Некоторое время юноша стоял, молча оглядывая прихожую, в которой сразу заметил немало вещей, которых не было у них дома. Значит, это все-таки не его мир, здешняя Алевтина Сергеевна жила куда беднее, чем его мать, это было хорошо заметно по потертой, старой мебели. Все горизонтальные поверхности в квартире покрывал слой пыли, что говорило о ее заброшенности, в ней, похоже, много лет никто не бывал. Ничего, впрочем, удивительного, особенно учитывая то, что они успели увидеть на этой Земле.

— Ну что? — раздался позади голос фон Бревена.

— Не мой мир, — отозвался Артем. — Но надо проверить, я помню, где мама обычно хранила документы.

Он двинулся в гостиную, нашел в серванте старую резную шкатулку, подаренную маме бабушкой, когда ей исполнилось десять лет, и поднял крышку. Алевтина Сергеевна не изменила своим привычкам — все важные документы хранились здесь. Открыв паспорт, лежавший сверху, Артем обнаружил, что здесь мама носила другую фамилию — Пригожина. А вот детей у нее было двое — девочки-близняшки, родив-

шиеся в две тысячи двенадцатом, Ира и Света. Порывшись в шкатулке, Артем обнаружил их свидетельства о рождении, свидетельство о браке с неким Пригожиным Иваном Николаевичем и свидетельство о его смерти через десять лет. Понятно теперь, почему в квартире так бедно — двух детей в одиночку женщине поднимать нелегко. Вот только в каком году случилась катастрофа? Он оглянулся, вспомнив любовь матери к отрывным календарям, и обнаружил искомое на стене.

— Две тысячи двадцать седьмой год, понедельник, девятнадцатое апреля... — вслух прочитал юноша. — Ну, хоть дата стала известна...

— Думаешь? — поинтересовался полковник, вошедший следом за ним. Двухметровый гигант в футуристического вида скафандре смотрелся в малогабаритной квартире чем-то чужеродным.

— Да, мама отличалась редкой педантичностью, утром первым делом отрывала очередной листок календаря. Всегда. Раз на календаре девятнадцатое апреля, то, значит, после этой даты она дома уже не бывала, иначе обязательно бы оторвала нужное число листочков. Здесь, кстати, у нее не сын был, а две дочки. Помладше меня. Алевтина Сергеевна, вы слышите?

— Да, — отозвалась та по связи. — Знаете, мне до сих пор дико, что в разных вариантах Земли у меня по-разному сложилась жизнь. Значит, две дочки?.. Интересно, что с ними? Погибли? Фото хотя бы сохранилось?

— Сейчас поищу, — пообещал Артем. — А что с ними, понятия не имею. Наверное, то же самое, что со всеми людьми этого мира.

Несколько фотографий нашлось в той же шкатулке, правда, девочки на них были совсем маленькими, да и отец их, кряжистый черноволосый мужчина с открытым, улыбчивым лицом стоял рядом, обнимая мать. Неудивительно, что нашлось так мало снимков на бумаге, в его время почти все фото были в электронном формате, распечатывать их мало кто стремился, люди не видели в этом смысла.

— Ребятам удалось запустить компьютер в библиотеке неподалеку, — сообщил фон Бревен. — Ищут информацию.

Там несколько изданий в pdf-формате нашлось. Кто-то, к счастью, сохранил их на жестком диске. Не знаю, что это за формат, просто передаю слова Ван Линя.

— Очень хорошо, я...

— Внимание! — прервал его голос Дархона по общему каналу связи. — Обнаружены живые люди, не слишком далеко от Санкт-Петербурга, в Карелии. Двое взрослых и двое детей. Вам до них ближе всех.

Артем с Карлом Генриховичем переглянулись. Обнаружение живых людей на выжженной планете давало возможность из первых рук выяснить, что же здесь, в конце концов, произошло. Терять время не стоило, и юноша сгреб шкатулку с документами, решив взять ее с собой, местной Алевтине Сергеевне они, похоже, уже не пригодятся, иначе давно бы забрала. Фон Бревен распорядился захватить с собой все рабочие компьютеры из библиотеки, пусть ими Инголин с Дархоном на корабле займутся, всяко быстрее будет, чем на месте рыться в огромном ворохе информации.

Артем окинул последним взглядом квартиру, в которой никогда не жил, но так похожую на его собственную, вздохнул, решительно повернулся и вышел, навсегда оставляя ее позади. Внизу царил суматоха — десантники таскали системные блоки компьютеров и пачки прессы две тысячи двадцать седьмого года из библиотеки, складывая все это во вместительный трюм космолета. Закончили они довольно быстро, за каких-то двадцать минут, после чего погрузились на борт, и челнок взлетел, взяв курс на Карелию.

— Дархон, — вслух позвал искина через общий канал связи Артем. — Больше людей не обнаружено?

— Нет, — отозвался тот. — Только эти четверо. И это очень странно...

— Сколько процентов поверхности планеты просканировано? — поинтересовался Карл Генрихович.

— Почти восемьдесят. Везде та же картина — полное отсутствие людей и их останков, в том числе и в старых могилах. Поэтому обнаружение на большом острове Риеккала на Ладожском озере людей стало неожиданностью и для меня. Сейчас сканирую остров подробнейшим образом. Замечу, что эти четверо устроились там с максимально возможным

комфортом, работает генератор, благодаря чему есть электричество, были замечены передвижения на моторной лодке к соседнему острову.

— Очень странно... — заметил полковник. — Четыре человека и... больше никого? Так не бывает.

— Без стороннего вмешательства не бывает, — добавил по общему каналу Леонид Петрович. — В Томске тоже найдены рабочие компы, везу их на «Петроград». Кирилл Владимирович, мы уже на подлете, пришлите, пожалуйста, дроидов принять груз.

— Сделаю, — отозвался инженер. — Дархон, просьба будет помочь разобраться в информации с планеты.

— Помогу, мне самому интересно.

Впрочем, не только ему — весь экипаж, включая стажеров, буквально изнывал от любопытства. Непонятно как обезлюдившая планета вызывала острый, болезненный интерес. Каждому хотелось понять, что же здесь произошло, как и почему. Почему-то это казалось очень важным.

ГЛАВА II

Чтобы поскорее долететь до Ладожского озера, полковник на короткое время поднял челнок в стратосферу, тут же резко бросив его отвесно вниз прямо в нужную точку. Если бы не гравикомпенсаторы, людей внутри просто раздавило бы. По пилотским меркам — довольно рискованный маневр, на который идут, только если очень спешат. Нужно хорошо чувствовать машину, чтобы решиться на такое безумие.

Артем изнывал от нетерпения, ему почему-то было сильно не по себе, словно происходило что-то такое, от чего будет зависеть его жизнь. Да и не только его, судя по всему.

— Всем пристегнуться! — весело рявкнул фон Бревен, которому происходящее явно доставляло удовольствие. — Посадка по классу экстра! Кто не пристегнется, сам будет соскребать свои тушки со стен!

Артем едва успел проверить и подтянуть ремни, как челнок буквально обрушился вниз на дикой скорости, затем огненной звездой пролетел над озером, резко тормозя. Людей

внутри немилосердно трясло, если бы кто-то остался не пристегнутым, то его действительно пришлось бы отскребать от стен, куда мясо неудачника налипло бы тонким слоем.

О том, что прибыл чей-то летательный аппарат, местным жителям сообщил дикий рев работающего на форсаже двигателя и огненная полоса, образовавшаяся от трения поверхности челнока о воздух. Затем он резко изменил траекторию с почти вертикальной на горизонтальную, пролетел над Риеккалой, замедлился и, выпустив опоры, со свистом приземлился на большой поляне перед основательным бревенчатым домом, с порога которого на все это безобразие хмуро взирал кряжистый бородатый мужик в тельнике, кирзовых сапогах и растрепанной шапке-ушанке — для конца ноября самая подходящая одежда. Он задвигал за спину то и дело пытающиеся высунуться две любопытные мордашки мальчишек лет двенадцати-тринадцати. Из окна на втором этаже испуганно выглядывала женщина в цветастом платке.

Артем первым спустился по открывшейся аппарели вниз и направился к хозяину дома, на всякий случай активировав полевую защиту комбеза. За ним двигался полковник в сопровождении держащих оружие на изготовку десантников. Подойдя, юноша несколько минут изучал мужика, все так же молча и хмуро смотревшего на него, после чего поздоровался.

— И тебе не хворать, — пробурчал в ответ хозяин дома.

— Мое имя — Артем Михайлович Дарнье, капитан супердредноута «Петроград». За мной — полковник Карл Генрихович фон Бревен.

Десантников он представлять не стал. Мужик некоторое время смотрел на них, потом с хорошо заметной злобой сплюнул и бросил:

— Вояки! А где ж вы, суки, раньше-то были, а?! Мы тут... а-а-а...

Он в сердцах махнул рукой.

— Мы только вчера прилетели в Солнечную систему, — вздохнул Артем, понимая состояние человека, выживавшего на грани возможностей почти в одиночку. — И очень удивились, обнаружив, что местная Земля полностью обезлюдела.

Вы первые, кого нам удалось отыскать. Больше нигде никого нет. Что здесь случилось? Вы можете рассказать?

— Вчера прилетели?.. — переспросил хозяин дома, его глаза начали медленно лезть на лоб. — Так вы чего, не отсюда?! Не с Земли?!

— Сами земляне, но с разных вариантов нашей родины, а жили в Таорской империи очень далеко отсюда. Корабль попал в пространственную аномалию, оказался неведомо где, с тех пор мы вот уже несколько месяцев ищем дорогу домой. После очередного перехода обнаружили Землю, обрадовались, а у вас тут такое... Так что случилось-то?..

— Вон оно как... — покачал головой мужик. — Но это разговор долгий, прошу в дом, гости дорогие. Меня Александром Викторовичем Карацупой кличут. Пацанов моих — Митькой и Петькой, а жену — Людмилой. По профессии я, только не смейтесь, историк и археолог, бывший доцент СПбГУ, Люда моей студенткой была, когда все случилось. Копали мы тут одно захоронение...

В дом следом за хозяином и его детьми вошли только Артем и Карл Генрихович, десантники извинились, оставшись снаружи, — все же в скафандрах внутри будет тесновато.

На взгляд Артема, дом оказался обустроен насколько возможно хорошо, освещен электрическими лампами, внутри было тепло. В горнице гостей уже ждал накрытый стол с большим медным чайником на электроплитке и домашние пирожки разного размера в глиняной миске. Жена хозяина поздоровалась, видно было, что она едва сдерживает любопытство. Судя по всему, других людей здесь не видели с момента катастрофы.

Артема удивило, что дети ведут себя очень тихо и спокойно, слушаясь каждого слова и жеста отца. Видимо, тот был человеком жестким и резким, а значит, мог и выпороть неслуха, и они опасались вызвать его гнев. Тем временем все расселись за столом, выпили по чашке чая и съели по пирожку с брусникой. Юноша, понимая, что местные извелись от любопытства, при помощи голопроектора комбеза показал им «Петроград» и кратко рассказал о возможностях корабля.

— Сурьезная машина... — покачал головой Александр Викторович, потеревив себя за бороду. — Нам о таких и мечтать не приходилось, только планировали на Луну лететь и базу там строить. А уж теперь и вовсе...

Он обреченно вздохнул и понурился. Затем опять махнул рукой и, поняв нетерпение гостей, приступил к рассказу.

История этой планеты мало отличалась от известной Артему. Россия точно так же с невероятным трудом и скрипом выбиралась из-под влияния Запада, что вызывало там буквально зубовой скрежет. Особенно американцы ненавидели русских, отказавшихся танцевать под их дудку и осмелившихся отстаивать свои интересы в ущерб интересам западных корпораций. Даже Китай они ненавидели меньше и старались ущемить Россию хоть в чем-то, хоть как-то, пусть даже в мелочи, обвинив в какой-то заведомой чуши, наподобие отравления какого-то там оппозиционера боевым отравляющим веществом или использования русскими спортсменами допинга. А уж как захлебывалась от ненависти нацистская Украина, выращенная Западом как бойцовская собака, чтобы напустить ее на Россию. Правда, собачонка получилась жалкая и шелудивая, но от этого не менее мерзкая — жидко гадила везде, где можно и нельзя. Поэтому с руководством недостраны просто перестали иметь какие-либо дела. Причем в отличие от родного мира Артема полностью. Торговля между Россией и Украиной сошла на нет, транзитная украинская газовая труба окончательно сгнила и была перекрыта, ее электрическая сеть физически отрезана от русской. Воровать стало не у кого и нечего. Что хотели, то и получили. А что каждую зиму недострана буквально задыхалась от отсутствия тепла и электричества, так сама виновата. Люди? Людей, оставшихся людьми, не ставших националистами и сохранивших свою русскую идентичность, было, конечно, жаль, но они позволили нацистской нелюди взять верх, получить власть. Не остановили проклятый людьми и Богом майдан, а значит, все по заслугам. За безразличие всегда спрашивается очень строго. Порой страшнее, чем за само преступление.

От отчаяния Украина, окончательно осознавая, что нежно любимый ею Запад помогать не станет, разве что старого оружия немного подкинёт, чтобы украинцы побыстрее

утилизировались, освобождая от своего присутствия ценные черноземы, пару раз попробовала на зуб Донбасс, а однажды даже попыталась полезть в Крым. Естественно, получила по зубам так, что кровавые брызги во все стороны полетели, и на некоторое время успокоилась. Но, к сожалению, ненадолго.

В две тысячи двадцать седьмом году Китай, которому до смерти надоело прогибаться перед западными странами, собрался окончательно решить тайваньский вопрос. Сил у самой развитой страны мира хватало, поэтому китайский флот выдвинулся к мятежному острову. Никто не осмелился вступить за него силой оружия, но визг поднялся страшный. Мир словно сошел с ума. Китайцев поливали грязью все, кому не лень. Даже союзники предпочли промолчать вместо поддержки, что партию и правительство Поднебесной явно обидело, эта обида так и сквозила в их заявлениях.

И вот тогда, под шумок, поскольку весь мир был отвлечен событиями на Тайване, украинские националисты решили попытаться в очередной раз захватить то, что считали своим. Карацупа не знал, каким образом, к политике он никакого отношения не имел, всегда считал ее грязью, но Украина договорилась о совместной атаке с Польшей и тремя балтийскими «тиграми». На что они все рассчитывали, когда полезли на огромного соседа, — непонятно. Видимо, на то, что США и Евросоюз вступятся, если лимитрофы отчаянно завизжат: «Маленьких бьют!» Но когда русские, несколько придя в себя от такой наглости, наkostenяли идиотам от души, практически уничтожив их псевдоармии, и двинулись вперед, снося перед собой все преграды, западники не вступились, только засыпали Россию нотами протеста и новыми санкциями, требуя немедленно отвести войска и извиниться, не смея наказывать агрессоров, которые-де были в своем праве, мстя за старые обиды. Русский министр иностранных дел впервые за свою карьеру матерно послал «дорогих партнеров» в прямом эфире, точно сообщив адрес, куда оным господам следует отправиться. Видимо, отправляться туда кто-то высокопоставленный из американского истеблишмента не пожелал, и в сторону России вылетело около десятка ракет, что сопровождалось наглым требованием перетерпеть это и сдаться, не принимая никаких ответных мер. Ответом стал

старт такого же числа русских сверхзвуковых ракет, нацеленных на Вашингтон, Нью-Йорк и Сиэтл. Они достигли цели, хваленая американская ПВО оказалась не в силах остановить их. Из американских цели достигли только три из десяти.

К сожалению, обозленные американцы тут же начали массированную атаку, и это послужило спусковым крючком для всеобщей бойни. Вот только когда прорвавшиеся ракеты накрыли свои цели, произошло что-то странное.

Александр Викторовичу, с ужасом наблюдавшему по смартфону за тем, как над далекими Питером и Москвой — а транслировали в интернет происходящее тысячи человек — встают десятки атомных грибов, показалось, что сотрясся сам мир и словно бы раздвоился на мгновение. А когда все закончилось, вдруг выяснилось, что эфир девственно пуст. Связь и интернет мгновенно исчезли. Этого не могло быть просто потому, что не могло быть никогда. Городов и городков в той же России однозначно уцелело множество, где-то кто-то обязательно должен был сообщить о себе хотя бы по радио. Однако везде царил молчание.

На острове из членов археологической экспедиции выжило семь человек, еще пятеро, отправившиеся вчера на лодке в ближайшую деревню, исчезли вместе со всеми остальными. Правда, это выяснилось несколько позже. А на следующий день после катастрофы доцент Карацупа в сопровождении двух самых сильных студентов, а в лагере из преподавателей остался только он, самый молодой, отправился на Большую землю выяснять, как там обстоят дела. Понятно, что война, ядерные взрывы, разрушение Санкт-Петербурга, но ближайшие города и поселки никто не атаковал, там должны были сохраниться власть и аварийные службы. Однако выживших настигло потрясение — первый же попавшийся на дороге поселок оказался полностью пуст, ни одного человека в нем не было.

За следующие два дня археологи обыскали десятка два небольших городов и деревень. Нигде и никого! Да о чем речь, исчезли даже собаки и кошки, как и другие одомашненные человеком животные. А вот дикие никуда не делись — Александр Викторович несколько раз заметил зайцев, кабанов и даже медведя, поспешившего при виде людей скрыться в ле-

су. Однако вскоре пришлось возвращаться, загрузив лодку продуктами из магазинов — воровать не хотелось, но девать было некуда, да и платить некому.

На острове полученным известиям поначалу не поверили, убедили сомневающихся только снятые во время путешествия видео. Семеро выживших долго судили и рядили, что делать дальше. Александр Викторович, как самый практичный, заподозрил, что везде то же самое, и ратовал за то, что надо как-то устраиваться жить на острове. В развалинах, по его мнению, делать было нечего. Зато студенты никак не желали поверить, что привычная жизнь навсегда закончилась, и призывали отправляться в окрестности больших городов, забыв о радиации. Доцент напомнил им об этом, студенты ненадолго успокоились, но потом все равно решили выдвигаться к Питеру, а потом и к Москве, не приближаясь к ним ближе ста километров, тогда, мол, и радиация не страшна. Откуда они это взяли, Александр Викторович не знал, но разубедить молодых дураков, уверенных, что обязательно найдут других людей, не сумел. В итоге он остался на Риеккале с Людмилой, тихой, домашней девушкой, шарахающейся от любых приключений, как черт от ладана. Ехать с пятью безголовыми башибузуками, как она выразилась, у нее никакого желания не было — мало ли что им может взбрести в головы. Дури у всех хватало.

Вот так они с будущей женой и остались вдвоем. Историк в детстве жил в деревне, руки у него росли из правильного места, а с материалами проблем не было — городов и поселков с кучей забитых под завязку складов в Карелии хватало. Поэтому он не спеша выстроил и обустроил большой бревенчатый дом, забил продуктами огромный подвал и только после этого, по прошествии трех лет и рождения первого сына, выбрался на разведку. Студенты как уехали, так и пропали, ухнули, как камни в омут. Что с ними случилось и где они сгинули, Александр Викторович понятия не имел. В глубине души он, правда, надеялся, что все же найдет людей или хотя бы кого-то из этих пятерых дураков. Но не нашел даже в самой своей дальней экспедиции, добравшись до окрестностей Ростова на перебранном лично до последнего винтика отечественном джипе «Тигр», который обнаружил с ключами в

замке возле здания банка в Медвежьегорске. Машина оказалась очень надежная, хоть и прожорливая, но Карацупе экономить было незачем — бензина хватит и правнукам, сколько его ни трать. Вот только выжить было очень проблематично, из них с Людмилой Адам и Ева плохие. Одних мальчишек породили. На ком им, когда вырастут, жениться?

Рассказывать о робинзонаде молодой семьи можно было долго, но смысла это не имело ни малейшего. Главным выводом стало то, что других людей, кроме Александра Викторовича, его жены и детей, на планете Земля нет. Студенты, похоже, где-то и как-то погибли.

— Да уж... — покачал головой Артем. — Вам не позавидуешь...

Он ненадолго умолк, затем поднял глаза вверх:

— Дархон, ты закончил сканирование планеты?

— Закончил, — хмуро отозвался тот. — Никого и ничего. Только семья доцента. Но я, похоже, понял, в чем дело. И, как я уже говорил, пора сматываться, и как можно быстрее. Причем вытащить нас отсюда сможешь только ты. Не понял еще, где мы оказались?

— Нет...

— В момент взрыва ядерных зарядов образовалась волна энергии, которой оказалось достаточно, чтобы отразить планету в микровселенную, так называемый карман, но без принадлежавших к ее эгрегору разумных. Такое изредка случается. Но главное в том, что живут такие микровселенные очень и очень недолго. Я удивлен, что эта продержалась столько лет. Видимо, только из-за того, что в нее каким-то чудом попало несколько человек с материнской планеты.

— А вы кто такой? — поинтересовался Александр Викторович.

— Искусственный интеллект корабля, разумный, — ответил Дархон.

— То есть этой планеты вскоре не станет? — спросил Артем.

— Именно. А Александра Викторовича с семьей придется забирать с собой, иначе не выживут. Я только что получил данные, что за время нашего пребывания в этой микровселенной она уменьшилась на сто пятьдесят тысяч километров.

Возможно, это наше проникновение сюда спровоцировало схлопывание, не могу сказать точно, не хватает данных. Но вселенная однозначно схлопывается, гибнет, и если мы не хотим исчезнуть вместе с ней, то желательно поскорее убраться отсюда.

— Ясно... — недовольно пробурчал юноша, затем перевел взгляд на хозяина дома. — Александр Викторович, вот такие нехорошие дела, вы сами слышали. На планете других людей нет, существовать ей осталось несколько недель, максимум месяцев. Потом погибнете. Приглашаю вас с семьей к нам на корабль. Мы ищем дорогу домой. В Таорской империи русским всегда рады. Захотите, пойдете после установки импланта в ученики к кому-то из офицеров «Петрограда».

— Папа! — разом подпрыгнули двое мальчишек, их глаза горели энтузиазмом.

Артем улыбнулся — ну еще бы, настоящий космический корабль! Кто из юных романтиков не захотел бы на нем оказаться? А вот их отец задумался. Он не знал, верить или нет гостям. Бросать все нажитое не хотелось. Но вдруг они правы и планета действительно на грани гибели? Тогда лететь с ними — единственный выход. Вот только как им с женой привыкать на старости лет к реалиям куда более развитой цивилизации, чем земная? Мальчишкам-то что, в их возрасте легко привыкнут. Впрочем, перспектив жизни здесь все равно никаких — в то, что больше людей на Земле нет, Александр Викторович поверил легко, сам видел пустые города. Дети, когда вырастут, вряд ли поблагодарят за отсутствие брачных партнеров. Да, выбора-то на самом деле и нет. Спасибо гостям за то, что людьми оказались, а не сволочами — не бросили на произвол судьбы, позвали с собой.

— Только не берите с собой много вещей, — понял выбор историка по его решительному виду Артем. — Сами подумайте, что может пригодиться в космической цивилизации, а что нет.

Александр Викторович наклонил голову, затем тяжело посмотрел на испуганную Людмилу, на радостно завизжавших мальчишек и медленно встал. Пора было готовиться к отлету.

ГЛАВА III

Несколько переходов из вселенной во вселенную прошли безрезультатно, «Петроград» выходил в реальное пространство далеко от звездных систем, в пустом космосе, где ничего, кроме редких астероидов, не было. Только однажды среди каменных обломков был обнаружен небольшой кораблик неизвестной цивилизации, который по-быстрому обследовали и, не найдя ничего интересного, кроме трупов двух похожих на бесперых птиц существ, бросили. Разве что компьютеры, выглядящие как скрутки стальных прутьев разной толщины, забрали, Дархону будет чем на досуге заняться, расшифровывая чужие форматы данных и протоколы связи.

Как ни удивительно, уйти из схлопывающейся микровселенной удалось без особого труда. Словно кто-то заранее проложил оттуда дорогу, по крайней мере, у Артема возникло такое впечатление. Хотелось бы этим впечатлением поделиться, но с кем? Разве что с Дархоном.

— Очень может быть, что за тобой наблюдает взрослый сородич, — заметил тот, выслушав сбивчивый рассказ юноши. — Вас слишком мало, чтобы твое развитие пустили на самотек.

— Так появился бы и сказал, чего хочет! — вспыхнул Артем.

— Э нет, — противно захихикал искин. — Это так не работает, милый. Скорее всего, тебя будут аккуратно направлять то туда, то сюда, наблюдая со стороны, как ты учишься тому или сему. Насколько я слышал, Странники напрямую никогда не действуют, всегда с подковыркой какой-то. Так что даже не надейся, что к тебе подойдут и скажут, чего хотят. Самому придется догадываться.

— Как же я этого не люблю... — простонал юноша. — Ну зачем нужны всякие выкрутасы?! Ведь проще же напрямую сказать!

— Результат будет намного хуже, — возразил Дархон. — Зато если сам дойдешь до чего-то, то усвоишь это крепко-накрепко. Полученное готовеньким быстро забывается. Извини, но это давно установленный факт. И уж кто-кто, а Стран-

ники это знают, тем более Авари. Сам посуди — скольким вещам ты уже научился просто потому, что жизнь заставила.

— Может, и так, — недовольно проворчал Артем, которому все равно было противно. — Ладно, ничего не поделаешь. Пора дальше отправляться.

Он уже привычным усилием потянулся к чему-то невидимому, вслушался в пространство и внезапно понял, что должен пойти не туда, куда было наиболее удобно пойти, а вон туда — там был кто-то нужный не только ему, но и всему... Клану? Экипажу? Или чему-то еще. Артем несколько удивился своим мыслям, никогда ранее он не думал об экипаже «Петрограда» как о своем клане, но времени не было, эти кто-то там, далеко, могли погибнуть, их нужно было успеть спасти. Однако там кораблю могла угрожать опасность, поэтому Артем окинул взглядом экспертов на боевых постах и скомандовал, удивляясь своим неизвестно откуда пришедшим знаниям:

— Боевая тревога! На месте выхода идет сражение! Нападение пиратов на колонию!

— Есть! — тут же отозвался Леонид Петрович, ударил кулаком по шестиугольному тревожному сенсору в центре пульта, и в коридорах «Петрограда» зазвучала сирена под мерцание красных ламп.

Все, включая стажеров, поспешили на свои посты. Только семья новичков настороженно вскинулась в предоставленной им каюте. Супердредноут окутался защитными полями, накопители натужно загудели, накачивая энергию в мезонные и гиперорудия.

Артем окутал «Петроград» дополнительной «конечностью» — бесконечным полотнищем — и одним рывком переместил его туда, куда требовалось. Он не ошибся, там действительно шел бой. Десятка три потрепанных фрегатов и корветов довольно странной формы лениво добивали пытающиеся спрятаться за астероиды явно шахтерские кораблики¹, если судить по навесному оборудованию. Никто, кроме пиратов, уничтожать шахтеров не стал бы, а раз так, они сами выбрали

¹ Малые космические корабли, предназначенные для добычи полезных ископаемых на астероидах. Имеют различное навесное шахтерское оборудование. Не вооружены. — *Здесь и далее примеч. авт.*

свою судьбу. И «Петроград», оказавшийся в гуще сражения, плюнул во все стороны огнем мезонных пушек — для всей этой шушеры гиперорудия были бы слишком мощными.

* * *

Семен лихорадочно уводил своего шахтера из-под огня фрегата корпорации, и это удавалось бывшему пилоту-истребителю, сказывалась разница в уровне пилотирования. Корпорат промахивался и с каждым мгновением злился все больше, что сказывалось на его действиях. Штабс-капитан зло усмехнулся. Впрочем, какой там штабс-капитан! Был когда-то, когда еще жила его родная страна, еще не превратилась в кубло змей, так называемую демократическую республику, где каждый жрал каждого, где совесть и честь отсутствовали как понятия. Только деньги! Все покупается и все продается! На любого имеющего хоть какие-то моральные принципы тут же накидывались скопом и начинали оголтелую травлю.

Выжившие после войны имперские офицеры все до единого угодили на каторгу, демократы не простили им своего страха, помнили, что имперцы были в шаге от победы, переломить ситуацию помогло, как всегда, предательство. Демократы ведь способны побеждать только и исключительно подлостью, возведенной ими в ранг доблести. Не зря говорят, что демократия — это власть демократов, а отнюдь не народа. Для этих господ народ — быдло, не имеющее права на собственное мнение и обязанное почтительно внимать «властителям умов», коими твари ошибочно считают себя. А когда понимают, что это не так, начинают показательно страдать на тему, что народ им, увы и ах, достался не тот, неправильный им достался народ, и его надо изменить, а если не получится — уничтожить, чтобы не мешал нежно любимому Западу превращать людей в скотов.

Вся вторая, так называемая Черная эскадрилья с погибшего авианосца «Георгий II» была в полном составе сослана на трансурановые рудники. Пожизненно. Поскольку пилоты служить победителям, начавшим радостно рвать страну на части, демонстративно не пожелали, публично высказав все, что думают о «демократии» и «демократах». Этого им, конечно, не простили. Суд был «образцово-показательный», с обя-

зательными воплями об опричниках кровавого режима, об их кошмарных преступлениях. Правда, свидетельств последних не нашлось, но ведь и уничтожение истребителями вражеских кораблей можно объявить убийством патриотов и добровольцев. Приговор был ясен заранее — пожизненная каторга. Но никто из пилотов не подписал прошения о помиловании, ведь к оному прошению обязательно прилагалось прилюдное, через прессу, покаяние и отказ от имперских взглядов вкупе с присягой демократическому правительству. На такое бесчестье ни один русский офицер пойти не мог.

На каторге пилотам Черной эскадрильи поначалу пришлось нелегко, но сплоченная группа боевых офицеров отбилась от уголовников, заставив себя уважать, пусть и дорогой ценой — в стычке погибло двое товарищей. В итоге пилотов осталось семеро. Командовал ими по старой памяти разжалованный майор граф Ростовцев, остальные в прошлом имели звания капитанов и штабс-капитанов. Семен Николаевич Градин был из последних, новые погоны он получить попросту не успел, хотя представление уже ушло командованию. Но... война была проиграна. И предало как раз командование, генералы и адмиралы, которым демократы что-то там наобещали. Естественно, после победы они своих обещаний не выполнили, демократы их никогда не выполняют, и предатели все до единого вылетели в отставку без выходного пособия, а кое-кого даже расстреляли. Достойная плата за предательство. Странно, но предадут большей частью именно высокопоставленные господа. Почему? Чего им не хватает? Ведь у них всего намного больше, чем у других. Так чем же обусловлена их низкая моральная устойчивость? Гордыней? Уверенностью в собственной сверхценности? Или чем-то еще? Увы, понять это за всю историю человечества не удалось еще никому.

Два года существования, а жизнью это назвать было нельзя, на рудниках прошли, когда в системе неожиданно появились боевые корабли корпорации Neon Inc., принадлежавшей заклятым партнерам демократов, американцам, и первым делом уничтожили патрульные фрегаты, охранявшие узников. Это как раз перед тем, как за добытыми за полгода трансуранидами должен был прибыть караван. А значит, сви-

детелей грабежа никто в живых оставлять не будет. Пилоты Черной эскадрильи поняли это сразу и решили дорого продать свои жизни. Боевого опыта им было не занимать, пусть даже шахтерские кораблики и не вооружены, разве что промышленный лазер имеется, но ведь можно заманить противников в пояс астероидов, а там уже повеселиться на славу. У корпоратов пилоты были среднего звена, поскольку асам требовалось много платить, а делать этого господам бизнесменам не позволяла скупость. Вот и набирали они персонал из только что окончившего гражданские летные училища молодняка, толку от которого в бою с профессионалами было очень мало. Если вообще был.

Поэтому черные асы, как иногда называли пилотов их эскадрильи еще в имперские времена, не стали слушать предложений американской швали о сдаче, а направили своих шахтеров в пояс астероидов, разойдясь широким веером. А при приближении противника начали крутить боевую карусель, сразу дав понять корпоратам, что перед ними опытные бойцы, справиться с которыми будет очень непросто. Но у тех был жесткий приказ не оставлять свидетелей, и они, быстро расстреляв сдавшихся блатных и охранников, полезли следом за пилотами эскадрильи в астероиды, почти сразу потеряв два корабля — мало кто способен постоянно уворачиваться от летающих в полном беспорядке каменных глыб. Это обозлило нападавших до предела, и они принялись обещать черным асам по радио все муки ада. Вот только поймать их никак не могли. А на их вопли на английском никто внимания не обращал, пусть себе орут, хоть оборутся. Также по всей системе шла охота за другими каторжниками, которых отлавливали и взрывали одной-двумя ракетами, в плен брать их никто не собирался. Вскоре, кроме пилотов эскадрильи и двух самых вертких блатных, в системе никого из русских не осталось. Даже административный корпус вместе с воющими от ужаса служащими, готовыми на любую мерзость, лишь бы их только оставили в живых, просто изничтожили несколькими залпами бортовых орудий крейсера, возглавляющего атаку.

Корпораты продолжали охоту на черных асов, когда случилось нечто непонятное. Всем людям в системе показалось,

что само пространство вдруг словно сдвинулось с места и повернулось, даже вывернулось наизнанку, на мгновение приоткрыв проход в какую-то бездну, где человеку совсем не место. А затем невдалеке от пояса астероидов вдруг возникло огромное металлическое зубило чуть ли не километровой длины, оно все было усеяно надстройками и антеннами самого хищного вида и явно боевого предназначения. По борту шла гигантская надпись «Петроград». На русском языке! Пилоты эскадрильи от увиденного едва не впади в прострацию, уж они-то лучше всех знали, что настолько больших кораблей во флоте империи нет и никогда не было. Не строили кораблей такого размера! Невыгодно.

— Господа, а ведь этот «Петроград» к бою готовится, — заметил по общему каналу капитан Петров, — защитные поля поднял.

— Знать бы еще, на чьей стороне он выступит, — хмуро пробурчал в ответ майор Ростовцев. — Если по нам ударит, то испарит вместе с поясом астероидов. Представляете мощь пушек такого гиганта?

— Да уж представляем, — отозвались остальные пилоты.

Пришелец плюнул огнем во все стороны. И больше половины корпоратов в одно мгновение приказали долго жить. Черные асы испытали немалое облегчение, умирать им все-таки не хотелось. Интересно, кто прилетел на этом корабле? Имперцы, демократы или... кто-то другой?

Ответный огонь корпоратов был «Петрограду» что слону дробина — он этого огня попросту не заметил, защитные поля справились, пилотам эскадрильи осталось лишь чесать в затылках, гадая, что за генераторы на этой махине стоят. Затем корабль еще несколько раз плюнул огнем, уничтожив всех сопротивлявшихся, а попытавшихся сбежать вообще стер из реальности, от них остались только облачка пыли, быстро рассеявшиеся в пространстве.

— Это что ж у него за оружие такое? — растерянно спросил штабс-капитан Ковальский, шебутной поляк, давно забывший свои польские корни и верно служивший России.

— Понятия не имею, — ответил считавшийся в эскадрилье знатоком новых вооружений капитан Дадиани, он гово-

рил с легким, почти неуловимым грузинским акцентом. — Ни о чем подобном никогда не слышал и не читал.

Пришелец тем временем принялся короткими пульсациями через гиперпространство облетать систему явно в поисках выживших. Пульсации тоже считались физически невозможными, и офицеры смотрели на них вытаращенными глазами. До них постепенно начало доходить, что перед ними не просто гости, а гости извне, неизвестная цивилизация. Но тогда почему название корабля написано по-русски?!

«Петроград» приблизился к поясу астероидов недалеко от места, где прятались пилоты эскадрильи. Ну точно, по их головы.

— Внимание! — послышался по общему для шахтеров каналу связи чей-то молодой голос. — Говорит капитан супердредноута «Петроград» Артем Дарнье. Господа выжившие, мы готовы взять вас на борт, открываем двенадцатую аппарель и ждем два часа, аппарель будет подсвечена синей рамкой. Да, хотим сразу предупредить, что уголовных преступников мы спасать не будем. По прошествии указанного времени корабль покинет систему.

Некоторое время царило молчание, затем майор Ростовцев тремя условными щелчками по шлему возле микрофона отдал приказ переключиться на резервный секретный канал, все пилоты перенастроили рации своих шахтеров еще в первый месяц на каторге, чтобы иметь возможность общаться без внимания администрации.

— Ну, что думаете, господа? — поинтересовался он, когда все переключились.

— А что тут думать? — спросил штабс-капитан Дейнего. — Без помощи мы загнемся за два дня.

— Но мы не знаем, кто это и чего они от нас потребуют, — заметил Дадиани.

— Знаете, а моя интуиция буквально вопит, что мы будем идиотами, если не примем это предложение, — негромко сказал Семен.

Остальные задумались — об интуиции штабс-капитана Градина на авианосце, где они служили, ходили легенды. И раз он говорит, что предложение чужаков стоит принять,

то лучше так и поступить. Однако не успели они ничего сделать, как произошли очень интересные события.

— Меня подберите, пане-господа! — раздался по общему каналу противный голосишко, услышав который пилоты дружно скривились, узнав Федьку Гундосого, одного из самых гнусных личностей на каторге. Его даже уголовники презирали, он был скользкий, подлый, готовый на любую мерзость, чтобы хоть чуть-чуть облегчить себе существование, и по статье сидел специфической. За изнасилование и убийство детей. Посажен был еще в имперские времена, сейчас бы остался на свободе, демократы уже заявили, что педофилию следует объявить нормой. — Я, свят-свят, не бандит! Я отслужу!

— Пошел вон, тварь! — В молодом голосе капитана «Петрограда» слышалось откровенное омерзение.

— Почему? — спросил кто-то гулким басом.

— А потому, Карл Генрихович, — ответил Дарнье, — что я вижу, кто перед нами. Вот этот скот детей насиловал и убивал после этого, понимаете?

— Ты уверен?

— Полностью!

— Тогда ты прав, нам таких точно не надо, — констатировал обладатель баса.

— Вот именно, — подтвердил капитан «Петрограда». — Единственным милосердием с нашей стороны для него может быть только быстрая смерть. Михаил Иванович, отметьте для себя шахтер этого маньяка. Попробует приблизиться — расстреляйте.

— Есть! — отозвался еще чей-то голос.

— И да, — добавил Дарнье, — вон в том скоплении камней прячется еще одна сволочь. Так называемый вор в законе, иначе говоря, мразь, по вине которой совершаются убийства, изнасилования и грабежи. Мразь, виновная в том, что преступность вообще существует. Если появится — тоже расстрелять!

— А кого же мы тогда ждем? — спросил бас. — Ты опять что-то почувствовал?

— Да, хотел сначала переместиться совсем в другое место, но вдруг уловил отсюда зов, понял, что здесь люди, которые нам нужны, настоящие люди, которые не подведут.